

УДК 327

EDN: MFLSLY

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22024714>

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА: В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Александр Иванович Шумилин

ИЕ РАН, Москва, Россия, e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

Ссылка для цитирования: Шумилин А. И. Ближневосточная политика Евросоюза: в поисках эффективной стратегии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. №2. С. 7–14. DOI: 10.15211/vestnikieran22024714

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные направления ближневосточной политики Евросоюза, активизировавшейся в последние годы на базе концепции «стратегической автономии». Сама эта концепция порождена разочарованием европейских элит в подходах Соединённых Штатов как к проблемам безопасности Старого Света, так и к ряду кризисных ситуаций на Ближнем Востоке. Особенно отчётливо расхождение между Вашингтоном и Брюсселем проявлялись в период президентства республиканца Дональда Трампа (2016–2020 гг.), но они не исчезли и при администрации демократа Джо Байдена, которая не оправдала надежд ряда европейских политиков на «восстановление американского лидерства в мире». Необходимость европейцев всё больше полагаться на свои силы и ресурсы обуславливается сегодня не только ситуацией вокруг Украины, но и боевыми действиями Израиля против экстремистов ХАМАС в секторе Газа, прямыми столкновениями между Израилем и Ираном, активизацией проиранских группировок в ряде стран Ближнего Востока. Автор считает, что попытки ЕС выработать адекватную стратегию нейтрализации угроз из региона Ближнего Востока, а также для продвижения там своих интересов, не принесли результатов. Остаются вопросы и относительно достижимости этой цели в принципе.*

***Ключевые слова:** ближневосточная стратегия, Макрон, Средиземноморье, ЕС, Евросоюз, США, Россия, Украина, сектор Газа, Израиль, ХАМАС.*

Статья поступила в редакцию: 22.05.2024.

MIDDLE EAST POLICY OF THE EUROPEAN UNION: IN SEARCH OF THE EFFECTIVE STRATEGY

Alexander I. Shumilin

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

To cite this article: Shumilin, A.I. (2024). Middle East Policy of the European Union: in Search of an Effective Strategies. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 38(2): 7–14. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran22024714

Abstract. *The article examines the main directions of the Middle East policy of the European Union, which has intensified in recent years on the basis of the concept of «strategic autonomy». This concept itself is generated by the disappointment of European elites in the approaches of the United States both to the security problems of the Old World and to a number of crisis situations in the Middle East. The differences between Washington and Brussels were especially clear during the presidency of Republican Donald Trump (2016–2020), but they did not disappear under the administration of Democrat Joe Biden, which did not live up to the hopes of a number of European politicians for «restoring American leadership in the world». The need for Europeans to increasingly rely on their own strengths and resources is determined today not only by the situation around Ukraine, but also by Israel's military actions against Hamas extremists in the Gaza Strip, direct clashes between Israel and Iran, and the intensification of pro-Iranian groups in a number of countries in the Middle East. The author believes that the EU's attempts to develop an adequate strategy to neutralize threats from the Middle East region, as well as to promote its interests there, have not brought results. Questions remain regarding the achievability of this goal in principle.*

Key words: *Middle East strategy, Macron, Mediterranean, EU, European Union, USA, Russia, Ukraine, Gaza Strip, Israel, Hamas.*

Article received: 22.05.2024.

Нападение группировки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г., последовавшие за ним боевые действия в Газе, прямое боестолкновение Ирана с Израилем, а также активизация шиитских формирований «Хезболла» в Ливане и хуситов в Йемене – всё это повысило уровень угроз для европейской безопасности из ближневосточного региона. Это происходит на фоне продолжающихся боевых действий на территории Украины, рассматриваемых в ЕС как «непосредственная угроза». Выразителем резко возросшей озабоченности ведущих стран ЕС стал французский президент Эммануэль Макрон, который в своей речи 25 апреля 2024 г. в университете Сорбонна заявил, что «Европа может умереть. Мы не обеспечены в военном отношении, чтобы противостоять рискам». И призвал страны ЕС «увереннее утверждаться на мировой арене» («Europe could die» ... 2024).

Этими словами французский лидер подчеркнул дальнейшее обострение проблем в области безопасности Старого Света с момента принятия в 2016 г. «Глобальной стратегии для внешней политики и политики безопасности Евросоюза». В ней, напомним, говорится следующее: «Мы живём во времена экзистенциальных кризисов внутри Европейского союза и за его пределами. Наш Союз под угрозой» (A Global Strategy for ... 2016). Одним из базовых в данном документе следует, на наш взгляд, считать тезис о взаимосвязи внутренних и внешних угроз безопасности ЕС: «Евросоюз будет отстаивать дело мира и укреплять гарантии безопасности своих граждан и своей территории. Вопросы внутренней и внешней безопасности становятся всё более взаимосвязанными: наша внутренняя безопасность зависит от состояния таковой за пределами наших границ» (A Global Strategy for ... 2016: 8).

Ближневосточные стратегии ЕС признаны неэффективными

На протяжении последних десятилетий руководство Евросоюза ориентировало свою ближневосточную политику главным образом на регионы, непосредственно примыкающие к его границам. Эта политическая линия была оформлена в виде двух концепций/стратегий – «Европейской политики соседства» (ЕПС)¹, выстраивавшейся Брюсселем с 2003 г., и «Евро-средиземноморское партнёрство», начало которому было положено «Болонским процессом» (1995 г.). По инициативе французского президента Николя Саркози в 2008 г. это партнёрство было преобразовано в так называемый «Союз для Средиземноморья» (СдС)².

Обе концепции преследовали цель усилить влияние ЕС в регионах Северной Африки и Средиземноморья через механизмы, способствующие социально-экономическому развитию и политическим реформам для стимулирования демократической системы правления. При этом предполагалось установить равноуровневое взаимодействие Брюсселя с группами стран в этих регионах в зависимости от готовности последних сблизиться с Евросоюзом. В концепции «соседства» ключевыми считаются три цели: вышеупомянутая *селективность*, а также (и это главное) *стабильность* (в контексте построения демократии) и *устойчивость*. Последнюю многие европейские аналитики трактуют как эвфемизм проблематики, связанной с безопасностью. «Устойчивость привносит понимание того, что стабильность и безопасность являются фундаментальными принципами ЕПС, хотя сама эта концепция остаётся весьма размытой и проблематичной для её объяснения странам-партнёрам», – пишет известный французский аналитик Вивьен Пертюсон (Pertusot 2016: 3). Изначально наряду с идеей развития диалога между странами Средиземноморья во всех областях концепт СдС делал акцент на интенсификации торгово-экономических отношений между странами региона вплоть до создания там зоны свободной торговли. Многие аналитики связывают его с амбициями команды Саркози добиться доминирования Франции в данном регионе в условиях, когда через это водное пространство в Европу начиналось строительство серии новых газопроводов из Северной Африки и Израиля (Tasche 2010).

Заметим, что до 2015–2016 гг. обе упомянутые концепции продвигались Брюсселем как система взаимодействия ЕС со странами-соседями в духе «мягкой силы». Аспекты, прямо или косвенно связанные с применением военных средств, там предельно минимизированы и/или прикрыты эвфемизмами. Да и само понятие «безопасность» европейцы стремились трактовать расширительно в отношениях со своими соседями – как совокупность экономических, социальных, политических и экологических проблем, избегая упоминания силового инструментария (Koch, Stivachtis 2019). Ситуация существенно изменилась с начавшимися в 2011 г. потрясениями «арабской весны». «Фокусировка ЕПС на утверждении демократии (в странах-партнёрах – А.Ш.) не исчезла совсем, но она утратила свою приоритетность. Теперь на повестку дня встал вопрос о необходимости в целом реформировать сферу безопасности партнёров, наращивать противодействие терроризму и радикализму», – пишет В. Пертюсон (Pertusot 2016: 22)

Новые акценты в пользу уже не социально-политических изменений в стиле принятия европейских ценностей, а сохранения статус-кво при наличии в странах-партнёрах «эффективного управления» (*well-governed states*) были внесены в базовые документы обновлённой ЕПС в 2015 г. и получили развитие в «Глобальной стратегии» ЕС в 2016 г. (ГС).

Турбулентность в средиземноморском регионе, приведшая к миграционным кризисам и гражданским войнам в Сирии и Ливии, вынудила Евросоюз перейти к обеспечению своей

¹ *European Neighborhood Policy, ENP.*

² *Union for the Mediterranean, UfM.*

безопасности посредством выстраивания защитных редутов перед лицом разрастающихся угроз с юга уже посредством применения силового инструментария. Реальность происходившего в 2016–2018 гг. диктовала Брюсселю необходимость не только не ограничивать использование силовых средств для защиты территории ЕС от волн нелегальных мигрантов, но и наращивать усилия по «гашению конфликтов» по другую сторону Средиземного моря (в частности, в Ливии). «Хотя акцент на безопасности понятен и действительно необходим, исключительное сдерживание (угроз с юга – А.Ш.) вряд ли обеспечит долгосрочные стратегические интересы ЕС в Средиземноморье», – считает известный аналитик, специалист по внешней политике ЕС Ричард Янг (Youngs 2015).

В разгар «арабской весны» (2015–2018 гг.) ЕПС заметно утрачивает привлекательность для средиземноморских партнёров ЕС. Причём не только из-за внутривосточных потрясений, обернувшихся резким всплеском миграционных потоков в направлении Европы, и из-за выстраивания европейцами механизмов защиты от нелегальной миграции. Появился и ряд других значимых факторов:

- Северная Африка в обозначенный период стала ареной столкновения конкурентных стратегий США, России (в частности, в Ливии), Китая и арабских монархий Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар), которые резко активизировали усилия по наращиванию своего влияния на государственные структуры стран этого региона, объективно сократив масштабы присутствия там Евросоюза (Jacobs 2021: 14);

- Брюссель оказался не в состоянии предложить единую стратегию по отношению к кризисным ситуациям из-за различных подходов отдельных стран сообщества к конкретным проблемам в регионах Средиземноморья и Ближнего Востока в целом. В результате, например, Франция и Италия проводили противоположные линии в ливийском конфликте, привнося хаос даже в миротворческий процесс под эгидой ООН (Dessi 2018: 3);

- в этот же период наблюдался всплеск исламофобии в самих странах Евросоюза как побочный эффект волны электоральных успехов праворадикальных сил в ряде стран ЕС. Показательным в этом плане стало формирование летом 2015 г. группы праворадикальной направленности в Европарламенте (France's far right ... 2015)¹.

Заметим, что перечисленные факторы становились всё более значимыми на фоне внутренних пертурбаций в большинстве арабских стран Средиземноморья вследствие «арабской весны». Эти потрясения завершились формированием демократических институтов и процессов только в Тунисе, а в других странах Северной Африки (вопреки провозглашённой установки ЕПС на проведение демократических реформ) укрепились однозначно авторитарные режимы. Поэтому обоснован вывод многих европейских аналитиков о том, что в политико-стратегическом плане «сегодня Северная Африка отдалена от Европы как никогда прежде», а «Евро-Средиземноморский регион стал менее сплочённым и более раздираемым конфликтами, чем в 1995 или даже 2011 гг.» (Amirah-Fernandez 2023). Это повсеместно расценивается как признание краха концепций/стратегий ЕПС и СдС. Более того, считают аналитики Европейского совета по международным делам (ЕСМД), «Ближний Восток и Северная Африка

---

¹ Резко усилившийся поток мигрантов из стран, затронутых событиями «арабской весны», стимулировал рост анти-мусульманских настроений в Европе, что, в свою очередь, создало благоприятные условия для электорального прорыва правых радикалов. Британский исследователь угроз экстремистского характера в Европе Аристотель Каллис так описывает спектр влияния носителей идей исламофобии: «Идеологию международных радикальных правых чрезвычайно сложно определить и классифицировать: от крайнего социального консерватизма до “мягкого” популизма, часто с либеральными оттенками, до насильственного активизма; и от, казалось бы, уважаемых, учтивых агентов парламентской демократии до групп с полувоенными характеристиками или даже тайных террористических сетей» (Kallis 2015).

обречены на дальнейшие потрясения в предстоящие годы, что следует из того факта, что политические, экономические и социальные причины потрясений 2011 г. («арабская весна» – А.Ш.) сохраняются в полном объёме. При этом они способствовали усилению вмешательства внешних игроков, обеспечив благоприятную почву для экстремизма и дестабилизации» (Mapping European Leverage ... 2019).

В условиях нарастания угроз для ЕС с юга в Брюсселе приступили к переосмыслению прежних концепций ЕПС и ЕДП, олицетворявших ставку Брюсселя на «мягкую силу»: с 2016 г. эти документы вписываются в «Глобальную стратегию», которая декларирует необходимость наращивания силовой составляющей во внешнеполитической деятельности Евросоюза в целом в русле его «стратегической автономии» в рамках НАТО. «Как европейцы мы должны возложить на себя бóльшую ответственность за нашу безопасность. Мы должны быть готовы сдерживать (противника – А.Ш.), ответить и защитить себя перед лицом угроз. В то время как НАТО существует для защиты своих членов – большинство которых европейцы – от нападений извне, европейцы должны быть лучше экипированы, обучены и организованы, чтобы вносить решающий вклад в коллективные усилия, а также чтобы действовать автономно, когда и если необходимо. Соответствующий уровень амбиций и стратегической автономии важны для способности Европы укреплять мир и обеспечивать безопасность внутри и за пределами её границ», – констатируется в тексте «Глобальной стратегии» (A Global Strategy for ... 2016).

Динамичные изменения политико-стратегического ландшафта

Идея «стратегической автономии» применительно к ближневосточной политике ЕС формировалась как естественная и во многом безальтернативная со времени президентства Барака Обамы (с 2008 г.), начавшего сворачивать американское присутствие на Ближнем Востоке, попутно демонстрируя падение интереса Вашингтона к данному региону в целом. Администрация Д. Трампа (с 2016 г.) частично «скорректировала» линию предшественника: продолжая в целом сокращать военное присутствие США там¹, она подтвердила свои партнёрские обязательства прежде всего в сфере безопасности перед основными союзниками (Израилем и Саудовской Аравией), провозгласив, по сути, главной линией политики Вашингтона «максимальное давление» на Тегеран. Выход США в 2018 г. из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) вынудил Брюссель проводить альтернативную Вашингтону линию по вопросу сохранения «ядерной сделки» с Ираном. Воспользовавшись хаосом в странах Северной Африки, Белый дом при Д. Трампе приступил к укреплению собственных позиций в этих странах без оглядки на приоритетность и жизненную важность данного региона для его европейских союзников (в основном посредством поставок американских вооружений). Примечателен прогноз, который дают эксперты проатлантического ЕСМД в отношении политики США и ЕС на Ближнем Востоке: «В то время как США и Европа будут сохранять общие интересы, их приоритеты продолжают расходиться. Это уже проявляется применительно к Северной Африке и району Леванта (Ливан, Сирия, Палестинская автономия – А.Ш.), а также в аспекте потребностей широкой стабилизации в регионе, которые США продолжают рассматривать как менее критичные для их собственной безопасности – в отличие от Европы» (Barnes-Dacey, Lovatt 2022).

При администрации Дж. Байдена накал разногласий между Вашингтоном и Брюсселем

¹ На 01.01.2017 г. (начало каденции Д. Трампа 21.01.2017 г.) в странах Ближнего Востока было размещено 40 774 американских военнослужащих, а в конце его президентства (01.01.2021 г.) осталось 12 420. См.: Barnes-Dacey, Lovatt 2022.

по проблемам Ближнего Востока, однако, заметно снизился. Помимо естественного сближения изначально декларированных целей её ближневосточной политики с европейскими (в частности, в отношении Ирана, Израиля-Палестины и района Персидского залива), преодолению прежних разногласий во многом способствовали такие факторы, как происходящее вокруг Украины, а также ряд событий, сдвинувших фокус мировой политики с западной части ближневосточного региона на его восточную часть. Если «украинский фактор» породил «новую сплочённость» трансатлантистов в рамках НАТО против России в поддержку Киева, то террористическая атака ХАМАС против Израиля 7 октября 2023 г. сделала практически неразличимыми подходы Вашингтона и Брюсселя к проблеме палестино-израильского противостояния (в частности, в том, что касается права Израиля на самооборону). Из обеих западных столиц следовали одинаковые призывы к израильскому руководству избегать жертв среди мирного населения в ходе боевых действий в секторе Газа. При этом следует подчеркнуть, сохраняются расхождения даже внутри европейского сообщества касательно темпов, формы и времени признания т.н. «независимого палестинского государства»: большинство стран Северной Европы, а также Испания и Бельгия готовы это сделать заблаговременно и авансом, вне переговорного процесса с Израилем, против чего возражают ведущие страны ЕС и США. Израильское руководство называет такой шаг «поощрением терроризма» (Pogatchnik 2024).

Другое региональное событие – совместные действия дислоцировавшихся на Ближнем Востоке военных подразделений США и Евросоюза по отражению массированной воздушной атаки Ирана против Израиля 18 апреля 2024 г. По сути, ведущие страны ЕС и Великобритания предоставили свои военные возможности в регионе для поддержки Соединённых Штатов. А ХАМАС и стоящий за ним Тегеран, за переговоры с которыми ранее ратовал Брюссель, были им же подвергнуты жёсткой критике.

Заметим, что «украинский фактор» повлиял на сближение ближневосточной политики Вашингтона и Брюсселя и в более широком международном контексте. В частности, практически все арабские государства и Израиль отказались присоединиться к западным санкциям против России, а на площадке ООН они в большинстве случаев воздерживались от голосования за резолюцию с критикой действий Москвы. При том что в арабских столицах и в Иерусалиме по-разному оценивают причины и суть происходящего вокруг Украины, их объединяет нежелание ссориться как со странами Запада, так и с Россией. Практически официальная позиция политических элит в арабских странах сводится к тезису о том, что «эта война – чисто европейская, не имеющая отношения к арабскому миру». В результате большая часть арабских стран солидаризировалась с процессом формирования «Глобального Юга».

Примечательны и расхождения внутри арабского сообщества по противостоянию Москвы и Киева: в то время как экспортёры углеводородов успешно пользуются освобождающимися от России нишами на европейском рынке и ростом цен на энергоносители, другие страны, лишённые такой возможности, находятся под угрозой серьёзных продовольственных проблем, связанных с перебоями в поставках им зерна из России и с Украины, что может вновь генерировать недовольство населения там (главным образом в Северной Африке), как произошло в 2011 г. На этом фоне в попытках утвердить свою власть представители авторитарных режимов нередко характеризуют поддержку Западом Украины как проявление «двойных стандартов в духе неокOLONиализма». В частности, они упрекают западных политиков в том, что те намного больше заботятся об украинских беженцах, чем о беженцах из арабских и других развивающихся стран. Иными словами, всё отчётливее вырисовывается линия размежевания между «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом».

При этом новом раскладе сил на мировой арене заявления и действия европейских поли-

тиков подтверждают их приверженность «Глобальной стратегии» и выстраиванию ближневосточной политики на её основе. Важной составляющей ГС является наращивание силового компонента наряду с дипломатией и «мягкой силой», а также расширение географии европейского присутствия в ближневосточном регионе (речь, в частности, идёт о необходимости усилить роль ЕС в районе Персидского залива). Первым сигналом в этом плане стало развёртывание в январе 2024 г. военной миссии Евросоюза под названием «Аспидес» в Красном море и частично в Персидском заливе (Шумилин 2024). Однако основой ближневосточной политики ЕС по-прежнему остаётся приоритетность Северной Африки и Средиземноморья, а базовыми стратегиями – ЕПС и СдС.

* * *

Европейские политики и стратеги неизменно воспринимают Средиземноморье и особенно Северную Африку не только как пространство своего традиционного присутствия и влияния, но и как жизненно важное для Старого Света. Кризисы и войны, потрясшие эти два региона за последние полтора десятка лет, создали во многом новую реальность, когда вопреки финансовым, экономическим и политическим усилиям Брюсселя они всё меньше ассоциируют себя и своё будущее с Евросоюзом. Более того, эти территории становятся источниками возрастающих угроз для европейцев. Такими оказались последствия пронёсшейся по большинству стран этих регионов «арабской весны». В Брюсселе признают, что осуществлявшиеся на протяжении десятилетий стратегии ЕПС и СдС оказались неэффективными. Это произошло по объективным и малозависящим от самого Евросоюза причинам: на «весенней» волне, спровоцировавшей политическую и социальную дестабилизацию в большинстве стран Средиземноморья, практически все они стали объектами геополитических интересов внерегиональных держав и влиятельных групп государств (например, монархий Персидского залива). Заинтересованные в укреплении собственной власти в своём большинстве авторитарные правители получили там спектр возможностей для выбора как финансовых источников, так и партнёров. Во многих случаях ЕС оказался вытесненным из списка приоритетов новых властей, хотя ценностно-идеологическая составляющая в концепциях взаимодействия ЕС с этими странами была отодвинута на второй план, уступив место политике «прагматизма, основанного на принципах» и, добавим, подкреплённого силовыми механизмами. Одновременно становится очевидным, что, казалось бы, объективно востребованная единая стратегия ЕС для Ближнего Востока ещё какое-то время будет оставаться в стадии подготовки и проработки из-за сохраняющихся разногласий между странами-членами по ряду важных проблем этого региона. Она продолжает формироваться в рамках общей концепции «стратегической автономии» ЕС.

Вместе с тем большинство аналитиков считают, что наработанный европейцами опыт взаимодействия со странами региона посредством «мягкой силы» – весомый актив, который должен быть использован там Евросоюзом и в новых геополитических условиях.

Список литературы / References

«Europe could die»: Macron Urges Stronger Defences, Economic Reforms. Reuters. 25.04.2024. Available at: <https://www.reuters.com/world/europe/macron-aims-cement-french-influence-eu-lift-party-fortunes-with-landmark-speech-2024-04-25/> (accessed 22.05.2024).

A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. The Diplomatic Service of the European Union. 06.2016. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_gs_review_web_0.pdf (accessed 22.05.2024).

Amirah-Fernandez, H. (2023). EU–MENA Relations Since the Ukraine War. ISPI (Istituto per gli Studi di Politica Internazionale). 05.10.2023. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/eu-mena-relations-since-the-ukraine-war-146482> (accessed 22.05.2024).

Barnes-Dacey, J., Lovatt, H. (2022). Principled Pragmatism: Europe’s Place in a Multipolar Middle East. European Council on Foreign Relations (ECFR). 28.04.2022. Available at: <https://ecfr.eu/publication/principled-pragmatism-europes-place-in-a-multipolar-middle-east/> (accessed 22.05.2024).

Dessi, A. (2018). The EU Global Strategy and the MENA Region: In Search of Resilience. Istituto Affari Internazionali. 11.2018. Available at: https://www.iai.it/sites/default/files/eu_gs_watch_6.pdf (accessed 22.05.2024).

France’s Far Right Forms Bloc in European Parliament. Politico. 17.06.2015. Available at: <http://www.politico.eu/article/frances-national-front-forms-bloc-in-european-parliament/> (accessed 22.05.2024).

Jacobs, A.L. (2021). Regional and Global Power Competition Deepens Fault Lines Across the Southern Mediterranean. Arab Gulf States Institute in Washington. 21.10.2020. Available at: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2020/10/Jacobs_Gulf-Influence-in-North-Africa_ONLINE2.pdf (accessed 22.05.2024).

Kallis, A. (2015). Islamophobia in Europe: The radical Right and the Mainstream 17(4): 27–37. Available at: https://www.researchgate.net/publication/311935510_Islamophobia_in_Europe_The_radical_right_and_the_mainstream (accessed 22.05.2024).

Koch B., Stivachtis Y.A. (2019). Introducing Regional Security in the Middle East. E-International Relations. 11.05.2019. Available at: <https://www.e-ir.info/2019/05/11/introducing-regional-security-in-the-middle-east/> (accessed 22.05.2024).

Mapping European Leverage in the MENA region. European Council on Foreign Relations (ECFR). 2019. Available at: https://ecfr.eu/special/mapping_eu_leverage_mena/ (accessed 22.05.2024).

Pertusot, V. (2016). The European Neighbourhood Policy: A Bureaucratic Phoenix? IFRI. 18.11.2016. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/european-neighbourhood-policy-bureaucratic-phoenix> (accessed 22.05.2024).

Pogatchnik, S. (2024). Ireland, Spain, Norway to Recognize Palestinian Statehood. Politico. 22.05.2024. Available at: <https://www.politico.eu/article/ireland-other-european-countries-to-recognize-palestinian-statehood/> (accessed 22.05.2024).

Tasche, T. (2010). The Project of a Union for the Mediterranean – Pursuing French Objectives through the Instrumentalisation of the Mare Nostrum. *L’Europe en Formation* 356: 53–70. DOI: 10.3917/eufor.356.0053

Youngs, R. (2015). 20 Years of the Euro-Mediterranean Partnership. Carnegie Europe. 18.05.2015. Available at: <https://carnegieeurope.eu/posts/2015/05/20-years-of-the-euro-mediterranean-partnership?lang=en&center=europe> (accessed 22.05.2024).

Шумилин, А.И. (2024). Красноморская миссия Евросоюза // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН 1(37): 17–24. [Shumilin, A.I. (2024). European Union Red Sea Mission. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 37(1): 17–24. (in Russian)]. DOI: 10.15211/vestnikieran120241724